

18+

Галина Чернышова

Я до сих пор
играю
в куклы...

Галина Чернышова
Я до сих пор играю в куклы...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69147658
ISBN 9785005983657*

Аннотация

Сборник сезонных стихотворений с вплетением рефлексии, философии и отношения автора к себе и окружающему миру. Приятного прочтения.

Содержание

Я до сих пор играю в куклы...	6
Август. Пруд	8
Ну, полно кукситься...	9
Всё глубже строчки о тебе и меланхолии...	10
Нет, не про осень. Другое начало	11
В стороне держаться не получится...	13
Съедает день чернильница покоя...	14
Режим осёдлый	15
Перепадёт нам стылости да хмурости...	16
Не осталось мудрости, совсем не осталось...	18
Кому чего, а мне бы слов попроще...	20
Ущербная чашка и месяц ущербный...	21
И этот солнечный костёр...	23
Послышится дождливый говорок...	24
Приглядишься – город за туманом...	26
Мир отчаян, когда за двадцать...	27
Сомнение в смятении снеговом...	29
Ноябрь. Туман. Уныло и банально	30
И будь что будет	31
На выдохе	32
Говоришь – для народа попроще?	33
И тает речь	35
На перегоне	36

Этот город устал	37
Хлебнёшь тоски шопеновских красот...	38
Сбудусь где-то...	39
Расслабься. Погрейся неспешно	41
От дома до работы и назад...	43
Ностальгия, ностальгия... поток	45
Не хватает места между строк...	46
Избыток осени, вина, тоскливых зрелищ...	47
Возможен сон, но отгремевший день...	49
Отдать тоску за тридевять земель...	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Я до сих пор
играю в куклы...
Галина Чернышова**

© Галина Чернышова, 2023

ISBN 978-5-0059-8365-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я до сих пор играю в куклы...

А знаешь, я до сих пор играю в куклы. Одна из них – в платочке, легкодоступна. Всегда на полочке подсознания – замурзанная до жути от частого докапывания до сути. Чем извожу себя? Пытаюсь не жить узелками, что в косах её, распутывая их снами, часто вспоминаю события из прошлого – там разное, но почему-то меньше хорошего. Вдыхаю полынный запах ветхого наряда, страдаю, и знаешь, я этому совсем не рада. Просто настойчиво до безумия расплетаю косы чернявые, особенно в полнолуние, оборачиваясь печалью лунного бога. Ты в это время меня просто не трогай. Заново косы затяну бугорками и на время забуду, ведь кукла того, что сбылось, неподсудна.

Ещё одна милая фигурка – в фаворе, всё время со мной, вечно плавает в моём море, которое отзывается на повседневное, течением слёз наполняясь. Иногда настоящее сгинет в глубине души теряясь, и снова на берег – просушит кукла одежду – и вот я как все. Ташу на себе равнодушно как прежде дел ворох серый на пару с сухою куклой. Тело её всегда чисто вымыто морем души моей хрупкой.

А третью... Вымаливаю у справедливого бога – дай, боже, мне её хотя бы потрогать. Локоны куклы той светлые, надеждой позолоченные, её одеяние – чистое, никакой болью не загрязнённое. Играй с ней, боже, поосторожней, пусть бу-

дет у будущего моего меньше дорог тревожных. Пусть впереди будет всё, но больше хорошего.

Рассыпется в небе звёздное крошево, и там, где скрывается рай за воротами, куклы поют симфонию нотами жизни моей, а ты, боже, послушай то трио – ансамбль их звучит совсем не фальшиво, так же и я жить стараюсь, играя в куклы...

Теперь понимаешь, почему глаза мои мечтательно-грустны?

Август. Пруд

Август. Пруд, как грошик
запылённый,
Изумруда блёклого среди.
Пацанва ватагой окрылённой
С берега замшелого летит —
Э-ге-гей! — доносится лихое
И стихает в беспокойном сне...

Подоконник. Тень от каланхоэ,
И рассвет в глубокой тишине,
От которой лопнут перепонки,
Если тишину не разболтать
Стрёкотом, тех давешних, девчонок
В мотыльковых платяшках —
спросонок вымелькнут —
и спрячутся опять
За окном, как близорукой линзой,
Чтобы сгинуть где-то вдалеке...

Гладит солнце лоб по-матерински,
Небо в пруд раскинулось старинный —
И не спишь у жизни на крючке.

Ну, полно кукситься...

Ну, полно кукситься – подумаешь, сезон
Почти закрыт, и лето догорает.
Выстукивают бодрое some op
По рельсам оголтелые трамваи.
Давай, иди к прохладе сентября —
Не мешкай на пороге нашим-вашим.
Прислушайся – ритмично говорят
Дожди по пустоте свободных пашен,

Раздолен шаг порывистых ветров —
До взлёта в поднебесные лазури.
Вон и меня куда-то унесло —
Последние денёчки – август курит
Немного нервно – по утрам туман,
И птичий грей к неумолимой коде.
Простимся на мотив Uma2rman,
Пуškai всё отшумевшее уходит.

Всё глубже строчки о тебе и меланхолии...

Всё глубже строчки о тебе и меланхолии,
Кто эту осень в чувствах разберёт...
Температуры непогодной нолики
С простудной хрипотцой душевных нот.

Сорву ли я дождливые овации?
Тоска не по колено, а по грудь.
Элегий наступающие грации
Надежде зябкой преграждают путь,

Выписывая птичьими длиннотами
По тяготам свинцово-низких туч.
Молитвенно рифмую для кого-то там,
Кто верой и прощением могуч.

Но вечность топит слов моих кораблики,
Бесславные в огромности небес.
Как все мои незначимые паблики,
Где я всем сердцем, молча, о тебе.

Нет, не про осень. Другое начало

Нет, не про осень. Другое начало,
Чуть позитивнее или небрежней.
Тучное небо. Надежды мочало
Гонится прочь – не становишься прежней,
В классике жанра подмен декораций,
Старый сценарий, закапанный ливнем,
Надо по-новой писать постараться,
Чуть помудрее и меньше наива —
В части про злато – баgreц ожиданий,
Молча слетает листок красноватый.
Для продолжения ищешь в тумане,
Что потерялось с годами когда-то.
Звук ненадёжный, и ветер сквознячит,
Птичьи прощанья куском эпизода.
И не до мёда – успеть бы на хрящик,
Хрящик свиной – самолётная кожа.
Выше. Сильнее. Быстрее и дальше,
Осень не спросит. Запрячешь теплее
Мысли без скучных элегий и фальши,
Что в глубине, не надеясь, имеешь.
Пестает слово – несказанным, малым
От сентября к ноябрю послесловий.
Где-то стучится любовь запоздало
В ритме дождя по стареющей кровле.

В стороне держаться не получится...

В стороне держаться не получится,
Обступила осень, оплела.
Палит солнца золотая лучница
Недолётом вешнего тепла.

Бабье лето счастья ждёт старательно
Под прохладный ветерный запой,
А лазурь в застиранном халатике
Провожает полдень на покой...
До прожилок пепельных иссохшая
На просвет расцвечена листва,
Как моя, в воспоминаньях прошлого,
Детская давнишняя пора,
У которой платье ситца ветхого,
А в кармане камешек и жук,
На колене ссадина приметная
И мотор из пяток да из рук,
Дальше убегает за околицу...

Осень возвращается – даёт
Выросшую в мудростях бессонницу
И стихов непрерывный полёт.

Съедает день чернильница покоя...

Съедает день чернильница покоя,
Приходит сон – крылат и невредим.
Созвездия выныривают в поле
Из мрака тёмно-дышащих глубин.
Сознание, уставшее трудиться,
Считает верноподданных овец.
И вяжет месяц острый, словно
спица,
Наряд из туч на буйной голове
Ночного городского повседневя.
Утихомилив свет – ярчит неон.
И тычутся осенние деревья
За снежной верой в снулый
небосклон.

Режим осёдлый

Режим осёдлый, режим свободы из точки в точку,
Где всяк рассчётлив у кукловода поодиночке,
Где от рассвета и до заката одно и то же,
Мотив пропетый, как гимн солдата, а слева гложет.

В машинной течке уходят годы, эпохи, эры,
И ставим свечки за легкость коды, за трудность веры.
Над площадями бунтуют ветры, но флаги реют,
А мы локтями под серым фетром за эпопею,

Чтоб выше скопом, забив на душу, богов и правду,
В инетном топе реал задушен до лайков к ряду,
И город вторит – по смогу звуки в тумане сизом,
Трамвай в мажоре звенит со скуки, полёты – низом.

Быть может, ливень. Скорее, дождик. Мельчают вёсны.
Ещё могли бы. Под птичий окрик. Пока не поздно.

Перепадёт нам стылости да хмурости...

Перепадёт нам стылости да хмурости,
Идёт на убыль золотой октябрь.
Всё как по нотам – в листопадной бурости
Родится переменчивый ноябрь

И поведёт к зиме по первой снежности,
Протянет паром, ливнем и тоской,
По изморози с приплетённой нежностью
На ветках акварели городской.

И станем улыбаться опрометчиво,
Припоминая лучшие года,
Под мороси туманящее сечиво
Без солнечного света голодать

Начнём как все – чернильными вечёрками
Выписывать задуманную впрок
Невнятную надежду, что задворками
Искусство спрячет в дальний уголок —

Медвежий – с передержкой до весеннего,
Я расскажу тебе когда-нибудь,
Как по теплу раскрыться до бесценного,

Теряя трезвость, голову и суть,

Укутайся и не гневи душевное,
За пазухой пригретое тобой,
Пока кричит по высям ненапевное,
И катит солнце старую арбой,

Куда-то далеко до невозможности,
Ссылая птиц для будущего дня.
Пока ноябрь придумывает сложности,
Ты в непогоде не забудь меня.

Нестройную по мыслям и ранимую,
Слагающую вечно не о том,
За далями туманными, незримыми,
Склонённую над гаджетным листом.

Не осталось мудрости, совсем не осталось...

Не осталось мудрости, совсем не осталось,
близко к небу – и детство лишь задержалось,
будто теплится где блаженная малость,
и бредёшь налегке.

Без печалей, тоски на ходу приручённо-малом,
водит солнце своим ярким-жарким жалом,
а вокруг восторгаться чему – навалом,
здравствуй, жизнь.

Что же раньше ко мне ты неправым боком,
всё грустилось, писалось об одиноком,
а теперь не сбрендить бы ненароком
от твоих щедрот.

От травинок, снегов и небес широких,
выдыхаются ахи, забыв про охи,
поисхожены все, что дала, дороги,
говоришь спасибо, а ну как протянешь ноги —
оттянуть бы срок.

Чтобы вдоволь нарадоваться, голубиным – крошки,
журавлю – до свиданья, туда же кошки,

что скреблись на душе, и летают мошки,
мотыльков-то нет.

Вот же ж счастья-то привалило!
Лишь бы жить, любить? Не до жиру,
от любви пойдёшь гол-сокол по миру,
потерять себя.

Красота то какая! Свободы – поле,
и не думаешь – пуще ли той неволи,
от которой плакаться бабьей доле —
выноси святых!

Сколько света на выходе из тоннеля,
и идёшь туда еле-еле,
и летишь без балласта тела,
и смеяться не надоело —
здравствуй, бог.

Кому чего, а мне бы слов попроще...

Кому чего, а мне бы слов попроще —
Бесхитростных мыслишек хоровод...
Порыв ворвётся в стан поникшей рощи,
И уворует ветер колоброд
Всё, что давно отжито и отпето,
На ветках, обездоленных житьём,
Прожилки опадающего цвета
И вялого никчёмья окоём.
А что ещё печальней и тоскливей,
Чем провожать парящий листопад?
И ни одним летящим не сфальшивить,
И ни одним упавшим не распать,
Ту пядь земли, прибитую дождями,
Которым до надежды дела нет,
Как смысла нет за дальними морями
Искать свой бывший негасимый свет.

Ущербная чашка и месяц ущербный...

Ущербная чашка и месяц ущербный,
Устали к ночи оголённые нервы,
Вихрастые мысли приглажены тишью...

Крадётся тоска – осторожною мышью,
Чуть-чуть прихлебнёшь негорячего чаю,
Тот час ускользнёт до норушкина края,
До вылазки новой.

У крысы церковной
Моей обнищавшей расхристанной
радости
Уже не таятся любовные
сладоности,
Их съела тоска сероватой
сюжетности —
Плывёт тишина по квадратной
окрестности,
Обходит дозором из чрева буфетного,
И не имея ко мне ни конкретного
Плана, ни слова —
вальяжно спускается,
И тонет в ней крыса расхристанной

радости,
Ущербная чашка всю улыбаётся,
И маётся мне. Осенины, но маётся.
Глаголы глаголят на дне тишины.
Мы ра-зоб-щены, безответны. Забыты.
И месяц ущербный висит у корыта
Разбитого – звёзды всё
падают, падают —
Растасканы смыслы
дрянными цитатами.
Спать.
Уломать себя счётом с баранами
И плыть по реке половодности снов.
Без тела,
С поющей душой акапелла —
До зимнего
нового
в жизни
задела.

И этот солнечный костёр...

И этот солнечный костёр, что расходился предзакатно,
Был напоследок так остёр, скрывая собственные пятна.
В твоих зелёных отражал чего-то сходное с прощаньем,
И в лужах кинутых зеркал, как отблеск плыло обещанье
По обнищанью глубины, по тишине кругов и точек
За невозвратностью черты моих невыдержанных
строчек,
А текст – а так ли важен текст в остуде дня осенней были?
Когда мечты лазурный жест по взмаху удалённых
крыльев —
Так резво галочкой мельчил, для галочки
воспоминаний...
И солнца угасавший пыл... И месяц с прожитым
в кармане...

Послышится дождливый говорок...

Послышится дождливый говорок,
Октябрь такой – по лужам часто шепчет.
Мой городок отдастся с первых строк,
Провинциальный выдавая рэпчик.

По водостокам отведёт тоску,
Сольются слёзы в шумные потоки,
И загремят трамваи по мосту
Под ветренно-порывистые охи.

Чуть вздрогну от сигналящих машин,
Придумывая новые мотивы,
И растворят меня мокредь да сплин
В размытой говорящей перспективе,

Опять же в даль – куда же без неё,
Движение – жизнь – без строгого порядка
Пойдёт в отрыв забытое бельё
С балконной туго вытянутой грядки.

И громче дождь. И к небу – рукава,
Но пояс запаясничает в жестах.
И, облетая, упадут слова

С деревьев в чернозём ненастной мессы,

Где стихнет всё. Поверь, пойму ветра,
Когда до дома вытолкают в спину,
Чтоб я как все, мой город, из тепла
Чинила быт – свой местечковый примус.

И раздувала тлеющий огонь,
Не прячась за бесцветным захолустьем,
Из череды заботливых погонь
За повседневным. Нужным. Безыскусным.

Приглядишься – город за туманом...

Приглядишься – город за туманом,
Как тайга натяканных домов,
А носы у любопытных кранов
Задевают стайки облаков,

По волнам ветров шуршат аллеи,
Надевая в марево стволы.
Одинок офысы темнеют
До рабочей утренней поры,

И трамвай, как сердце городское,
Нарушает рваным тишину.
Зреет дождь с печальных перепоев
Из набрякших думок про весну.

И туман – минута за минутой —
Опускает занавес к ногам,
И сбегает мысленно к кому-то,
В краткий миг, что бытом не опутан,
К тем – недостижимым – берегам.

Мир отчаян, когда за двадцать...

Мир отчаян, когда за двадцать: три аккорда, три буквы, дым,

Тем желаннее целоваться, строить собственный энный Рим.

Как болтались по переулкам с сигаретками невзятяг,
Отдавался свободе гулко к горизонту идущий шаг.

Мир налажен за тридцать, сорок, время – деньги – всё по уму,

У души недовольный морок по вопросам зачем, к чему.
Омут глаз с чертовщиной в рыске отражал то реал, то сон —

А на небе старела сказка, и линял розоватый слон.

Мир мудреет в полста и выше, тучи словно излом бровей,

Оседают от мыслей крыши, и редееет толпа людей.

И толкаются одиночки в разговорах о том, о сём,
Как рождается без сорочек, так без них... нет, ещё споём,

Пусть в безвестности – самый цимус

быть в искусстве и верить в свет,

Что до внутренней хиросимы – там руины из бывших бед

Пересыпаны нафталином – и свобода а-ля тюрьма.
Путь короче, горбате́й спины – и доверие без ума.

Сомнение в смятеньи снеговом...

Сомнение в смятеньи снеговом,
Как мошек нападающих армада...
Мечтать бы нам ответно об одном
Под шорохи немого снегопада,
Идти, чтоб затянуло в густоту,
И скрыться от кого бы там ни было,
Под вынос грёз – далёких – за версту
За горизонта сладостную жилу,
И там крылатых слов насочинять
В стишках бесславных, но
любовно-вечных.
И нежно так тебя заобнимать
За ангельско-присутственные плечи.

Ноябрь. Туман. Уныло и банально

Ноябрь. Туман. Уныло и банально,
Но ничего поделать не могу
С его тоской незряче-инфернальной,
На законном стоя берегу.

Ввысь – перелётных птиц чернеют штампы,
Вниз – медный штамм зарёванных дорог,
Где светофоров бледные эстампы
Машинный контролируют морок.

И забубённость образной потуги
Сравни игре, бесцветью вопреки.
Плывут в безвидье городские звуки,
И умывает радость в небе руки —
В седых волнах всевидящей реки.

И будь что будет

Господь с тоской – и будь что будет,
Владей землёй, слетая вниз,
Без солнца на бесцветном блюде
Последний, как надежда, лист,
Как цвет, оторванный от ветки,
Качаясь на волнах пути
Потерянной в тумане деткой,
Которой лучше не найти.
Ты крайний, оттого любимей
Полёт в постылости бытия,
Где каждый миг необходимый,
Багрец по ноющему сплину,
И бог с тобой, тоска моя.

На выдохе

На выдохе уходишь налегке,
В осенние холодные пожары,
И вертятся слова на языке
Изящно недосказанного жанра.
Давай безмолвно, но начистоту,
Сквозь тесноту душевного участия,
Пока ещё немного вмоготу
Не разглядим потерянного счастья,
На том конце иллюзии и сна,
За пазухой у бога, как беглянку.
За голубою просинью окна
По близости дождя тоски славянской.

Говоришь – для народа попроще?

Говоришь – для народа попроще?

Хлопок неба, колышется лён...

Лыко зреет по липовым рощам,

Заполошится слово – влюблён —

От ветров шаловливых июльских

Разбежится по кронам слушок

И увязнет по сладости ульев...

В домотканном мелькнёт ангелок,

Как Макар, негоняющий стадо

До высот озарённых годов...

Ничего в этой жизни не надо,

Лишь отрада живительных слов,

Как по лесенке – ниже и ниже

До прохлады вечернего дня,

Потаённые бусины ниже,

Земляникой бугорной маня,

Это лето из прошлого – нынче

Лён да ситец простецкий наряд,

Как грозы полноводное вымя,

Что по жажде напоит меня,

Сбить сумеет жару в одночасье,
Ни любви, и ни ласки взамен
За небесное – дальнее счастье,
Синих птиц и амуров во власти —
В ярких красках моих перемен.

И тает речь

И тает речь. Как в оттепель снега
Доверчиво на землю оседает.
В тумане проступают берега,
И речка слов, мудреюще-седая,
По первому звонку ненастных дрязг,
По оплеухам капель близоруких,
Уносит вдаль прикосновенность ласк,
Уносит вдаль слабеющие звуки.

И тянет послевкусием обид
По воздуху сырому и больному.
Молчаньем осень рощи золотит,
И те шумят по прошлому чужому,
Украденному летнему былью,
Споённому дождливой волокушей.
Ветра ревут, подобные бабью,
А мне одной стоять и это слушать.
На сломе всех прощаний куковать,
Расхристанной. Небрежной. Одинокой.
Свой яркий свет в тетрадке рифмовать
С далёким бликом равнодушных окон.

На перегоне

От октября до ноября – на перегоне —
Стучит «навер-но всё-не-зря» внутривагонно,
Стучит сердечное «тик-так» без передышки,
Врастаешь взглядом в беглость стай, пока напишешь

Очередное про любовь, прощанье, плаху,
Несёшь себя в словах, стихах, несёшь со страху
До межсезонья, до черты, а там как знать бы,
Быть может, небу поостыть в морозном платье,
Быть может, грохот ускользнёт в дыру тоннеля,
Туда же время утечёт, окаменеет,

И на конечной ты сойдёшь, и снова осень,
Налево – маетности дождь на перекосе,
Направо – тихо и мосты почти сгорели,
Черты родные напрямик рассветно рдеют.

К зиме надтреснуто звучи в простой простуде,
Температуру, лечись. Грачи когда-то будут,
От ноября до декабря билет в намётках,
И целит стылая заря прямой наводкой
Куда-то выше головы, где тучность сепий,
Сжигая пройденность главы – и снег, как пепел.

Этот город устал

Этот город устал от движения хаоса,
От ветров мародёров осенних и злых.
И с какого ни глянь монохромного ракурса,
Очертания вечных домов постовых.
Караулят унылость и муторность серую,
Твердолобо и каменно тянутся ввысь,
И несётся с небес перелётное «верую»,
Исчезая в безмолвном «живи и молись»,
Слепнет свет по зрачкам фонарей обывательских,
Принимающих старость, как должность стоять
и скрипеть,
Прорастают хандра да печали на нивах писательских,
Виртуозно вплетаясь в осеннюю стылую медь,

Сквозняки подпевают в открытых до воздуха форточках,
Нет мечтающих слов вдохновения к звёздной ночи.
Правят городом провинциальные очерки,
Воробьиной подробно-чирикающей саранчи.
Клином циклитесь боль в журавлях, покидающих
Этот город, уставший от осени в бремени лет.
И собака-тоска беспричинно, на жалостно-лающем,
Вяло сходит на дальнейшее и беспросветное нет.

Хлебнёшь тоски шопеновских красот...

Хлебнёшь тоски шопеновских красот,
В окно посмотришь, словно в отраженье
Своих осенних невысоких нот,
В которых нет былого сожаленья
И нет рывков до неба от кутюр,
Всего лишь листопадные потуги.
Размытость дождевая – он же сюр,
Который тянет на хандру со скуки.

И тешишься в шопеновских верхах,
С приёмом октября по расписанью.
Стучится венка прожитого ах,
Как приживалка левого касанья,
И хочет счастья сердца дурачок,
Закладывая ноты за грудину.
Но водит жизнь заношенный смычок
По золоту осенней середины.

Сбудусь где-то...

Сбудусь где-то мудрой, только старой,
Ты придёшь и рубанёшь с плеча
На весёлой новенькой гитаре,
Чтобы кровь взыграла горяча.

Понесёшь про звёзды ахинею,
Романтично вскинешь руки вверх,
Может, я тогда не онемею,
Раскрылачусь, как осенний стерх,

Полечу и, небо рассекая,
Буду про былое забывать.
Потянусь к лазуревому краю,
Стану раем чувство величать.

Но придёт разлуки рыжей Рая,
И начну опять припоминать,
Как от расставания ломает
Строчками в шершавую тетрадь.

И тогда прибуду настоящим
Поездом, грохочущим из тьмы.
Тяготы заброшу в дальний ящик
Матушки заботливой зимы.

Отпущу себя на воздух чистый,
Упаду с размаху в краски дня.
Зависть сгложет импрессионистов,
От такой размазанной меня

По полям, галопам и европам,
Где свобода в тернях ковыля...
Станет дождь на бис мне долго хлопать
И тоской хрустальной козырять.

Расслабься. Погрейся неспешно

Расслабься. Погрейся неспешно в октябрьских лучах —
Сезон отпевающей осени златовалютен.

А дальше опять календарного клана отмах,
А дальше мороз и метели акынская лютня.

Не спрашивай имя. Тебе не ответит никто,
«Никто не ответит» апатией пахнет пустынной.
Наденешь как все сероватого драпа пальто,
Чтоб драпать от ненаречённой тебе половины —

Снесёшь и пургу от дешёвых увечных стихов,
И строй беспорядочный прежде порядочных строчек.
И будет колоться несносная роза ветров
Туда, где за пазухой свет и тепло одиночек.

Расслабься. Пока ещё ночи не так холодны,
Пока ещё всё не настолько безмолвно серьёзно.
Пока прибывает дождём ностальгию к родным,
В которой надежда, как лист облетевший с берёзы.

А завтра – пускай из-за туч это завтра грядёт,
Из дальних краёв, где начало зимы недалече.
Сегодня течёт по усам вызревающий мёд,
И плед обнимает за прежде крылатые плечи.

От дома до работы и назад...

От дома до работы и назад —
Вези, трамвай, не так уж всё и плохо.
Разуй подслеповатые глаза,
Вколачивая прошлую эпоху

В стальные рельсы нового пути,
Не покривив маршпутом ни на йоту.
Такую прямолобость не найти,
А может быть найти, но неохота,
Когда в окне так мерно едет жизнь,
Меняя цвет сезонности пейзажной.
Кондукторы, как класс, перевелись,
На совестьливость уповая граждан.
Теперь же – обилечивайся сам,
Отдай гроши за вид и за дорогу.
Под приглушённый шум и птичий гам,
Раскачивая время понемногу —

Вези меня, пятёрочка, катай —
Туда-сюда без права на кривую,
И окна разевай на бывший май
Да на тоску небесно-голубую —
Бескрайнюю, свободную – без дна,
Летишь, летишь – а надо бы вернуться

За холодность трамвайного окна,
Чтоб видеть солнце на лазурном блюде.

Ностальгия, ностальгия... поток

Ностальгия, ностальгия – в дебрях памяти бредя,
Я за каждым поворотом вижу зряшного тебя,
Бередишь одним лишь взглядом, светит мне опять тоска,
Не колышат те, кто рядом, кто не знает языка,
На котором мне молчится, словно речь мою свело
Из напыщенной столицы в стародавнее село,
Чтобы проще, чтоб на пальцах, чтобы пальцы не сломать,
Если я смогу кому-то о любви наобъяснять,
И с три короба не врётся, потому, что ты внутри,
Как негаснущее солнце, даже если фонари

Ночь пропустят сквозь слепящий строй фонарных
доходяг,
Не сыграет память в ящик, а оставит на бобах
Радость беглую частенько, каторжанку от богов,
Не по шапке вышел Сенька на любую из дорог,
Где за каждым закоулком рвётся в клочья белый свет,
Кем-то уходяще-гулким, от кого покоя нет
Этим клёнам и берёзам в жаре ярких осенин,
Осеняю эти грёзы перекрестием своим.

Не хватает места между строк...

Не хватает места между строк —
Там туманы, ветры, снегопады...
Помнишь захудалое бистро —
Лампочек простейшие монады,
Тусклый свет, рассеянный во тьме,
Запах кофе – вырван из контекста
И плывёт, как память о весне,
По верхам прокуренного места.
Шлягера отыгранный этюд,
Отзвуком былых напоминаний
Для двоих – отправлен на ютуб
С неумелым раем обещаний,
Что всегда, навеки и во всём —
И усмешкой встреча в эпилоге,
Лунное молчанье за окном
С жаждой упоительной эклоги,

Места нет – в межстрочной толчее
Пустоты раздувшееся эго
И ноябрь – помятый сомелье —
С пробой только выпавшего снега.

Избыток осени, вина, тоскливых зрелищ...

Избыток осени, вина, тоскливых зрелищ,
Караганда ответов, сплин туманных рощ,
И в этом всё ты беспросветно веришь,
Поэтому и кажется – живёшь,

Назло сезонному, блажному, молодому
Непостоянству в пику мерных постоянств,
Питаюсь будущим, как сладостной истомой
Задуманных и перелётных пьянств

От одного к другому – с богом в помощь!
С бессонницей безмолвной суеты
Выныриваешь вширь соседних комнат,
Перелетая хлипкие мосты,

Выпархивая в мыслях голубиных
Из-под обломков прожитых руин.
И человечность от тоски звериной
Рисуется в безременье морщин,

И тяжесть от несдержанных рыданий
Несёшь к зиме нехоженных времён,

Но взгляд да взгляд всё льнёт к осенней раме,
За ней разлуку клинит небесами,
И родственно скрипит опавший клён.

Возможен сон, но отгремевший день...

Возможен сон, но отгремевший день всё крутится
угасшей фотоплёнкой.

Закрой глаза, высматривай «нигде» в тиши своей
бессонной и незвонкой,

В такой глухой и вязкой темноте, навязанной
сомкнутыми глазами...

Баюкай себя сказкой – на горе, за тридевять овец,
в конечном гаме,

Стихают все надежды и стихи, ничто не берedit
и не нарушит.

Приходит сон – разнузданно-лихим, с картинками,
берущими за душу...

И видишь в красках, и летишь туда, куда не долететь, как
ни старайся.

Мешает жизнь, как ранняя дуда: давай, вставай, не май,
а ты помайся,

И бросит осень дождиком с небес, а ты почти забыл, что
осень рулит

Прощальной тягой к перемене мест,
Но с облетевшей рощей в карауле.

Отдать тоску за тридевять земель...

Отдать тоску за тридевять земель кому-нибудь другому
в услуженье,
Где сводятся концы к одной зиме, и ты туда идёшь без
сожалений,
О пропитых, под непогодный хай, мечтаний облетевшего
порядка,
И не рифмуешь отшумевший май под горечь
натуральной шоколадки...

Тебе легко. Зброшены слова за чётточку немого
горизонта,
И кружит помудревшая листва под отходную грозового
фронта,
И кажется, ещё совсем чуть-чуть, ты разожмёшь кулак
и всё отпустишь,

Вдогон к тоске – чахоточная грусть – зайдёшь в себя без
осени и грусти
И наведёшь порядок, и простишь, повесишь солнце
новых ожиданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.